

Поспишил, Иво

Несколько тезисов к дискуссии об инаковости

Новая русистика. 2023, vol. 16, iss. 2, pp. 25-31

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/NR2023-2-3>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/digilib.79416>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20240201

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Несколько тезисов к дискуссии об инаковости

Иво Поспишил

(Градец-Кралове, Чешская Республика)

Инаковость постепенно становится модной темой, которая появляется в разных сферах науки, зачастую на их гранях, включая и литературоведение и его трансформации по направлению к другим гуманитарным или социальным наукам. Университет в г. Седльце в Польше организовал уже два раза конференцию на эту тему; на них рассматривалась проблематика с нескольких точек зрения. Мой доклад на первой из них касался инаковости и ареальных исследований и был опубликован в особой монографии [POSPIŠIL 2022]. Во второй конференции я принял участие лишь в дискуссии, в которой говорил на разные темы, связанные с инаковостью, между прочим о будущем этого раздела науки. Я обещал опубликовать свои взгляды на эту проблематику и другими вопросами, связанными с инаковостью, заняться в других статьях. В настоящем размышлении, я старался, опираясь на некоторые основные положения своих уже опубликованных статей, подытожить главнейшие черты проблематики инаковости и выйти навстречу их новой перспективе.

Кроме введения, которое восходит к диахронии термина и феномена, статья содержит несколько разделов. В начале констатируется, что инаковость, иногда говорят [REZNIK 2016, 2018] об инакообразии, обычно определяется как принципиальный стержневой термин современной философской мысли. Он имеет свою историю, между прочим, во взглядах Эммануэля Левинаса (фр. Emmanuel Lévinas; 30 декабря 1905 / 12 января 1906, Ковно/Каунас – 25 декабря 1995, Париж, собственное имя Эммануил Левин), автора ключевых книг, касающихся этой проблематики (Levinas/Lévinas, 1998). Лицо другого, связанное с толерантностью и взаимопомощью, открытие Другого как открытие ядра библейских заповедей — тезисы, исходящие из горького опыта кровавого XX века, встречаются однако с разными препятствиями, но и они сами содержат внутренние противоречия. Даже библия, Ветхий Завет, на который Левинас

в определенном смысле слова опирается, внутренне противоречивый текст, как иначе, ведь речь идет о его многослойности, возникающей, кажется, в разных эпохах, хотя верующие будут всегда утверждать, что он возник в один момент тотального откровения. У инаковости как центра гуманных мыслей есть, однако, теневые стороны, находящиеся в связи с естественным эгоизмом человека, с инстинктом самосохранения, с насильственной сущностью человека, с насилием как главным средством человеческого поведения, с войнами как орудием решений международных споров, но и с отвращением, антипатией принимать помощь, солидарность и сочувствие. Литература преподносит нам приметы такого самоотверженного поведения, когда тяготение к добру невыносимо а приносит скорее отрицательные эффекты и результаты. Князь Мышкин из романа Достоевского — хороший пример.

Классицисты и неоклассицисты проповедовали теорию баланса, уравнищенности, возвышенной простоты, спокойного величия, как Иваном Гончаровым излюбленный основатель археологии, историк античного искусства Йоганн Йоахим Винкельманн, автор изречения «Edle Einfalt, stille Größe» [POSPÍŠIL 2021]. Тяготение к добру должно быть реалистичным, исходить не только из абстрактного добра, но и из познания сущности человека. Сам пример трагически погибшего Винкельманна (1717–1768), история, которая, как известно, стала источником для написания *Смерти в Венеции (Der Tod in Venedig, 1912)* Томаса Манна, тема гомосексуализма как самовыражения инаковости и свободной личности вопреки взглядам общественности, т. е. жажда добра и свободы — разумеется тогда — большинства не приводит в конце концов к добру.

Все в мире, чтобы он нормально функционировал, ищет классицистского равновесия, баланса, стабильности, т. е. и тяготение к добру не абсолютно, иначе оно имеет обратный, противоположный эффект.

Далее в нашей статье упоминается инаковость с точки зрения синхронии и диахронии. Она носит как синхронный, так и диахронный характер. Гиперболизация инаковости, которая приводит к тому, что все ищут не тождественности, а наоборот, инаковости, т. е. и инаковости культур, коренит в прошлом, т. е. в диахронии. Это не нечто навсегда данное, а результат определенных процессов — общественных, но и ментальных.

Кроме того, как мы в статье утверждали, инаковость носит — и это само ядро статьи — ареальный характер. Инаковость как аксиологическая и этическая категория функционирует в культурном ареале. Упомянутое возобновление пространственности, зональности, ареального размера инаковости связано, однако, не больше с синкретизмом, основанном на близости или даже слиянии языка и его текстовых «продуктов», а с синтезом уже детально исследованных

явлений. Новые современные веяния, связанные с синтезом филологических и социальных наук, свидетельствуют о возникновении новой социологии литературы.

Все эти приведенные данные образуют основу для реализации инаковости, но и представляют собой особые препятствия для ее восприятия. Однажды я принимал участие в одной чешской конференции по мультикультурности, где поиски всего мульти- являются целостной идеологией. Можно в этой связи припомнить слова моего друга, сына известного Франка Воллмана, основателя пражско-брненской славистической компаративистской школы, Славомира, который не раз, говоря об интердисциплинарности, указывал, что зачастую у нас слишком много интердисциплинарности и мало дисциплинарности, т. е. в нашем случае нет культурализма среди мультикультурализма. Аналогично кажется, что ненаучно, когда инаковость упорно ищется и находится, разумеется искусственно, везде, так как инаковость в таком ареале, каким и есть Центральная Европа, возникает вполне естественно, хотя прерывисто в зависимости от разных, зачастую катаклизматических исторических событий.

Мы в связи с инаковостью и ее ареальным характером занимались в качестве кейс-стади Центральной Европой и Россией, в том числе и противоречивыми отношениями между обоими культурными целыми, включая и отношения между чешской и российской средами.

Одним из признаков инаковости с точки зрения культурного ареала является экфрасис, о котором мы писали в другой статье [POSPÍŠIL 2018]. Если взглянуть на страницы любого сборника или монографии, которые в общем или конкретно и детально занимаются хотя бы частными моделями экфрасиса, то бросаются в глаза, прежде всего, тематическая гетерогенность, функциональное разнообразие и методологические подходы, которые зачастую резко отличаются друг от друга. Не следует редуцировать ни тематический объем, ни разнообразие методологических приемов и функций экфрасиса, но важны поиски какого-то связующего звена, общего закрепления, иначе говоря, поиски тематического, функционального и методологического обрамления. Разумеется, жанрологическая структура и компаративистский подход могут образовывать определенные рамки; но напрашиваются и более общие рамки, интегрирующие, в частности, все названные рамки и формы: и это именно ареальный, или же, точнее, филологическо-ареальный подход в качестве рамок, связывающих воедино территориальный аспект, культурный ареал, пространственно-поэтологический компонент в его сравнительно-жанровом облике как выражение поэтологической специфики [POSPÍŠIL 2006, 2014, 2015].

В связи с экфрасисом и его диахронией мы пришли к выводу о важности отношений между инаковостью и идентичностью и к размытости границ

ареалов (на примерах явлений западной Моравии в поэзии и изобразительном искусстве).

Проблема идентичности индивидуальной и национальной связана с кризисом ценностей, с распадом ценностных иерархий, с потерей памяти, с генерационными конфликтами, с поколением миллениалов и снежинок (snowflake generation), утверждающей, что мы начинаем будто бы снова в нулевом году. Надо все забыть, чтобы ничего не мешало развиваться независимо от прошлого, т. е. следует бороться против рабства памяти и прошлого, традиций и прочных ценностей. Известная пушкинская цитата о том, что неуважение к предкам есть первый признак безнравственности и дикости, полузабыто.

Изменения условий для инаковости, которая, с одной стороны, интенсивно развивается, а, с другой, до определенной степени подавлена в хаотичном динамизме и в подвижных границах культурных ареалов, поддерживают, таким образом, концепцию так называемой Европы регионов, связанной с отменой традиционных национальных государств и с усилением тенденций к смешанным культурным ареалам, сплоченным воедино другими, чем языковыми и этническими узами, главным образом, экономическими и административно-политическими. Об этом много писали примерно с половины 90-х гг. 20 века, но, несмотря на унификационную политику Европейского Союза это до сих пор не удалось, хотя значение категории инаковости, которая поддерживает ревизию традиционных ареалов, возрастает в силу интенсификации значения национальных меньшинств (national/ethnic minorities, mniejszość narodowościowa/etniczna). Переплетение категорий инаковости и идентичности, приводит к новым поискам прочных устоев вопреки аксиологическому хаосу, связанному, с одной стороны, с уважением к инаковости, с другой, к стабильной, скорее однозначной, точно определенной идентичности. Внутренние проявления инаковости, минувшие конфликты, выходящие из болот забвения на поверхность, приводят и будут приводить к новым столкновениям даже, возможно, более глубоким, чем теперь думается. Внутренние напряжения между разными типами инаковости, взрывчатой смесью национальных меньшинств, всемирной миграцией и строением новых идентитетов будет усиливаться и будет решаться на разных уровнях и по разным принципам, причем зависит и от новых поколений, которые будут воспринимать идентичность и инаковость, может быть, по-другому [POSPÍŠIL 2022, 2023].

Несколько проклятых вопросов или тезисов, которые касаются проблемных мест исследования инаковости можно подытожить следующим образом:

1. Модность темы инаковости угрожает поверхностностью ее исследования и концентрацией на ее актуальность вместо более глубокого рассмотрения ее синхронии в сравнении с диахронией.

2. Другая угроза связана с будто бы бесконечностью тематизирования инаковости и расширения ее диапазона в смысле описательности, что связано с возможностью упомянутой поверхностности и отсутствия глубины мысли.
3. Инаковость, сосредоточенная на свои внутренние проблемы, зачастую выглядит как объект, в котором наблюдается лишь слабое присутствие сравнительного аспекта.
4. Неясна позиция исследования инаковости в рамках литературоведения; она может выступать на грани разных наук и научных дисциплин, даже как самостоятельная или по крайней мере автономная научная дисциплина, как, например, нарратология или сюжетология. Функционально ли это, не угрожает ли это наукам, именно гуманитарным? Не препятствует ли излишняя раздробленность и отсутствие внутренних связей с другими проблемами развитию целого, связывающего воедино все аспекты по холистическому видению?
5. Если в будущем возникнет хотя бы лишь автономная дисциплина — исследование инаковости — т. е. альтернология, как я предлагаю ее называть, то надо постепенно продумать ее границы, т. е. объем, сферу решаемых проблем, методологию и терминологию во что бы то ни стало. Это была бы новая манифестация все усиливающейся тенденции к распаду раньше более или менее единого тела отдельных наук. Мы это видели на примере жанрологии, так как жанры были искони составной частью поэтики, или компаративистики, которая по концепции Д. Дюришина стала выделяться из сферы чистого литературоведения, становясь постепенно таким образом обособленной дисциплиной на грани разных наук.
 Может быть, такие монографии и конференции как седлцкие, могут функционировать как своего рода разведка боем, верификатор зрелости или незрелости, преждевременности такой мысли и такого шага.

Библиография:

- LÉVINAS, E. (1998): *Vremja i drugoj / Le temps et l'autre. Gumanizm drugogo čeloveka / Humanisme de l'autre homme*. Sankt-Peterburg.
- POSPÍŠIL, I. (2013): *Areál a filologická studia*. Brno.
- POSPÍŠIL, I. (2015): *Central Europe: Substance and Concepts*. Nitra.
- POSPÍŠIL, I. (2021): «Edle Einfalt, stille Größe»: Ivan Gončarov v kontexte tradicij klas- sicizma. In: POSPÍŠIL, I. (jed.): *Ivan Gončarov i jevropejskij klassicizm i neoklassicizm*. Brno, s. 157–175.

POSPÍŠIL, I. (2022): Inakovost' i areal'nyje issledovanija. Otherness and Area Studies. In: MNICH, L., BLASHKIV, O., KRUPOWIES, W. (jeds): *InNy/InNość we współczesnej literaturze europejskiej*. Siedlce.

POSPÍŠIL, I. (2018): K metodologii èkfrazisa: èkfrazis i areal'nyj kontekst (kejs stadi o poèzii i proze areala zapadnoj Moravii). In: *Teorija i istorija èkfrazisa: itogi i perspektivy izučeniya*. Kollektivnaja monografija pod naučnoj redakcijej Tat'jany Avtuchovič pri učastii Romana Mnicha i Tat'jany Bovsunovskoj. Siedlce, s. 103–114.

POSPÍŠIL, I. (2023): Literatura, román a tvorba nových generací Několik „vnějších“ a „vnitřních“ úvah. *Slavica litteraria*, 2023, č. 2, v tisku.

POSPÍŠIL, I. (2014): *Literární genologie*. Brno.

POSPÍŠIL, I. (2014): *Literární věda a teritoriální studia*. Nitra.

POSPÍŠIL, I. (2022): Prolegomena k problematice cennostej v literaturnych proizvedenijach millenialov. In: DOHNAL, J. (ed.): *Revitalizace hodnot: umění a literatura V*. Brno, s. 583–595.

POSPÍŠIL, I. (2005): *Střední Evropa a Slované (Problémy a osobnosti)*. Brno.

REZNIK, Ju. M. (2016): *Fenomenologija človeka: bytije vozmožnogo*. Moskva.

REZNIK, Ju. M. (2018): *Mir človeka (sobytijnyj podchod)*. Moskva.

Summary

Some Theses Concerning the Discussion on Otherness

The author of the present reflection demonstrates several aspects of the problem of otherness in relation to the two special international conferences held recently (2021, 2023) in Siedlce, and to the volume devoted to “otherness” in which he published a study covering—due to his opinion—the crucial question of otherness. Referring to the first conception associated with the work of Emmanuel Lévinas and stressing the importance of the Neoclassicist concepts of balance, quietness, calmness, stability based on the philosophy of Johann Joachim Winckelmann (“Edle Einfalt, stille Größe”) close to the Russian realist/neoclassicist Ivan Goncharov and his personality to Thomas Mann’s *Tod in Venedig*, the author points out the relation of otherness and identity, the defocusing of the borders of cultural areas, balance, ekphrasis, synchrony and diachrony of otherness, area character of otherness, the problem of Central Europe and Russia. At the end of his short reflection the author summarizes the threats and chances of the subject of otherness mentioning superficiality, shallowness, an excessive focus upon topicality, the underestimation of diachrony, the endless thematization, a dangerous widening of the range of otherness, the unclear position of the otherness sphere in the framework of literary criticism, at the same time the danger of the disintegration of compact disciplines. If “otherness” discipline which he proposes to call “alternology” will really come into existence it would be inevitable to think

through its boundaries, the sphere of the problems being solved, its methodology and terminology at any cost. This would represent another manifestation of the still strengthening tendency towards the disintegration of the formerly united scholarly disciplines as the cases of “genology” or comparative studies going beyond the boundaries of literary criticism, the same with narratology or the theory of the plot. The new discipline called “alternology” would appear on the edges of traditional disciplines. The Siedlce conferences might mean, from this point of view, a certain combat reconnaissance of the maturity, immaturity or prematurity of the otherness sphere of cognition.

About the author

Ivo Pospíšil, University of Hradec Králové, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Education, Hradec Králové, Czech Republic, ivo.pospisil@uhk.cz

